

Дмитрий ВОДЕННИКОВ

с н ы о Ч у н е

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В62

Дизайн *Виктории Лебедевой*

Фотографии на переплете *Ольги Паволги*

Иллюстрации *Арины Обух*

Воденников, Дмитрий Борисович.
В62 Сны о Чуне : [эссе] / Дмитрий Воденников. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шу-
биной, 2020. — 276, [12] с. : ил. — (Уроки чтения).

ISBN 978-5-17-118543-5

Дмитрий Воденников — известный поэт и блестящий эссеист, автор и ведущий, хозяин таксы Чуни, за жизнью которой вот уже несколько лет следит весь *Facebook*.

В «Снах о Чуне» — концентрация слова и мысли. Воденников шутя рассказывает о главном и важном, для себя — в частности, и для всех нас — в общем: о гениях и простых радостях, о боли и вечных ценностях, о любви и том человеческом (а иногда и собачьем), что есть в каждом.

Книга иллюстрирована графикой Арины Обух.

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118543-5

© Воденников Д.Б.
© Обух А.П., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

*Твоя слепая собака, бегущая не к тебе,
а к миске, когда ты пришел домой,
и виляющая ей хвостом, — всё,
что тебе надо знать о любви.*

СОН ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Чу-у-уня, — говорит мой товарищ, зайдя к нам в гости и глядя Чуню, — ты мне сегодня снилась. Мы гуляли с тобой по городу, ты бросилась в Москву-реку, и рыба откусила тебе хвостик. Я повез тебя в клинику и забыл на остановке.

Вот такие сны снятся людям про Жозефину Тауровну.

Почему я не удивлен?

Чуня полна тайны, которую я не хочу разгадывать. Она темный омут, в который мне лень глядеться. Чуня — бермудский треугольник смысла. Чуня = сон.

Поэтому она и спит полдня.

Я тоже сплю. И мне снятся тревожные сны. От снов не защититься, их не избежать. Только записать. Вот я и записываю. Кто-то заметил: «Главный звук, связанный с женщиной в литера-

туре XIX века, — шорох платья. Тогдашние женские наряды были ужасно шумные в силу особенностей тканей и пошива». Главный же звук моего дома в зимнее время — звук шарика, роняемого в потолок. Что там бросают соседи себе в пол, мне неизвестно. Но я этот шарик слышу: скок, скок. Пройдет минута. Опять: скок, скок. Звук никого не беспокоит, кроме меня. Чуня невосприимчива, она не слышит. Чуня забралась не под мое одеяло и спит. Обидно, но она давно спит не со мной. Ну вот такой ее осознанный выбор. Забирается под чужое одеяло и спит. Если ее откопать, разозлившись, перетянуть одной рукой к себе, то она смирится, конечно, но уже через три минуты выползет, прокрадется вдоль меня к изножью, перевалится через бархан одеяла и опять пойдет спать не ко мне.

И тогда ночью ко мне приходит кошмар. Это не из-за нее. Кошмар просто сам по себе.

Знатная татарка когда-то научила, — написал мне однажды человек, когда утром я о таком вот ночном кошмаре рассказал. — Если страшный сон приснился, надо посмотреть в окно и сказать три раза: «Куда ночь, туда и сон». А если совсем жуткий, то надо открыть холодную воду и шепотом рассказать льющейся воде краткое содержание сна. Ну и совсем проверенное, — добавил он, — сказать три раза: «Сон к добру!» Я в зависимости от

тяжести сна применяю различные комбинации этих заклятий.

А другой человек в комментариях написал:

Где-то читал, что кошмары помогают мозгу проводить капитальные ремонты. Чтобы отремонтировать компьютер, его нужно выключить. Полностью выключить нельзя, ремонтировать включенный опасно, но он умеет включить нам оцепенение ужаса на время и разобраться со всеми проблемами. Так что это полезно.

Я ни разу холодную воду не открывал, ничего ей не вышептывал, но в общую полезность дурных сновидений верю. В начале нашей совместной жизни с Чуней в полезных кошмарах принимала участие и она сама.

Мне снилось, например, что я случайно выпускаю ее из машины, в которой нас везут, и машину нельзя остановить (очень плотный поток), Чуня бежит в ужасном отчаянии за мной, а уже ничего не изменить, она все дальше и дальше, ее почти не видно, только черная точка на серой обочине. Итог — я просыпаюсь в слезах. Впрочем, теперь она в сновидениях не участвует, отснились эти заполошные сны. Должен кончиться и этот сегодняшний: наступит утро, пора вставать. И тут Чуня снова любит меня. Она возвращается с чужой полови-

ны кровати и начинает ластиться ко мне, вилять хвостиком, играть. Прямо как щенок. Но меня не обманешь. Я-то знаю: это значит, что Чуню пора кормить.

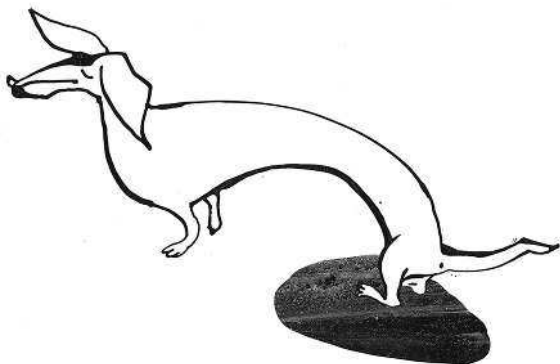
Но сперва ее надо выгулять. «Чуня, иди на лоток!» — говорю я. Я ее с детства приучил ходить на лоток с газетой, это отдельная история, как мы намучились; может, когда-нибудь и расскажу.

Она плетется туда, к лотку, в сортир, и останавливается на пороге. «Иди писать!» — говорю я. И щелкаю пальцами. Это последний сигнал, она его, собственно, и ждет — после этого она заходит. (Задев плечом дверь: дверь она теперь видит плохо, старческая слепота.) И потом стоит с тупым видом там. Как будто думает.

О чем она думает? О диких прериях? О косуле? О лисе? О своей женской доле?

— Если ты сейчас не будешь писать, я дам тебе по заднице! — кричу, потеряв терпение, из кухни я. Вообще, я кричу грубее, но будем считать, что «по заднице». Жизнь груба, это еще Нина Заречная заметила. Наша жизнь грубее втрое.

Только тогда — после крика — Чуня начинает устраиваться. (Собственно, так я и понимаю, что она не писает, — по звуку: она не шуршит. А тут зашуршала. Кружит, кружит, беспокоит газету, ерзает; наконец тишина. Значит, устроилась. Я иду в коридор, открываю дверь и смотрю, как она писает в лоток.)

Стыдно сказать, но в эти моменты она всегда еще изворачивается и пьет собственную мочу. Собачка у меня странная, с придурью, инопланетянка, но, собственно, за это ее и любит мир. А она его — нет. Она никого не любит.

— Мы будем сегодня читать Гофмана? — спрашивает снизу она.

— Будем, — отвечаю я. — Но сперва мы поможем тебе лапы. Смотри, какая тут на лотке лужа. Ты вся запачкалась.

С этими словами я поднимаю ее на руки, несу в ванную, ставлю в ванну и мою ей лапы и хвост. Чуня не любит воду, поэтому она настороже. Но утопление собачки временно откладывается. «Уф, пронесло», — думает Чуня.

Потом я вытираю ее полотенцем и, отпустив на все четыре стороны, собираю газету в комок и отношу в мусор. Чуня, отпущенная на все четыре стороны, всегда выбирает одну: идет обследо-

вать темную зимнюю кухню. (Чего ей эта кухня? Почему сейчас?)

— Чуня, — говорю я. — Кстати, мы забыли тебе закапать в глаза!

И тут Чуня бежит.

Из темной кухни, через коридор, стучаясь о предметы (она же слепая), мимо табуретки и обуви, в комнату, туда, туда, в спасительное тепло (как будто оно кого-то может спасти), пробегает половину освещенного торшером угла кровати и прыгает в постель. Причем прыгает не добежав. Прыжком оленя. Одним прыжком яростного животного существа, спасающегося от тигра.

И, что любопытно, всегда попадает.

Если где он и есть — этот странный летающий дом, с занавеской и ветром в кровати, — лихой

и горбатый,

то он был только там, где мы спали с тобою вдвоем, как с отцом, как с сестрой, как с лисой, как с собакой

и с братом,

через стенку с Васильевной Анной (соседкою) —

в сердце моем.

БЕДНАЯ МОЯ ЦАРЕВНА

В детстве было скучно, когда дождь. Когда гроза — нет, не скучно: я ее любил. А вот когда зарядит на несколько дней, мелкий такой, то пойдет, то перестанет — вот это скучно.

Особенно на даче.

Сидишь, томишься, смотришь в окно. Тикают часы, шелестят старые газеты, бьется муха о стекло, смотрят со стен три медведя с картинки. Придет соседская собака Белка, запахнет в комнатах мокрой псиной. (Мне нравится этот запах.) Но сколько с мокрой собакой поиграешь? Да и она небескорыстна. «Есть сахар?» — «Нет». — «До свидос».

Выйдешь ее провожать во двор, в заросли сирени или в лесок. Чав-чав, чавкают резиновые сапоги. Кап-кап, капает с сирени или с леска на дождевик. Белка убежала, махнула на прощание хвостом.

Прощай, неудачник, у меня таких, как ты, на каждом участке, и у них есть сахар! Ужасная тоска.

А сейчас не скучно.

Это меня всегда удивляло во взрослых. Сидят в дождь, не мывшиеся целую неделю, лото, там, раскладывают или чай пьют. Попили чай — поспали. Поспали — телевизор посмотрели, обсудили Брежнева. Как их печаль не берет?

Пахнет из старого шифоньера духами «Красная Москва» и «Тройным» (хорошо от комаров), бабушкиной пудрой и тленом; посидишь в бабушкиной комнате, посмотришь полчаса на плачущий сад за окном, опять пойдешь через мекающего Брежнева во двор. Там траншея. Это только в жаркие дни она траншея, а когда наполняется водой — могила. Вот мышка в ней утонула; если очень повезет, то целая белка. Только уже настоящая. Оскалилась мордочкой, сама жалкая, худая, как и ее смерть, мокрая. Быстрая белка, где твоя юркость?

...Но когда наступали хорошие дни, я выходил с сестрой ловить ящериц. Ну, конечно, это не мы ловили. Двое соседских парней (вообще-то им было лет по тринадцать, но они мне казались ужасно взрослыми) добывали нам с сестрой этих быстротекущих зеленых и черных пресмыкающихся тварей. Ящерицы грелись на залитом солнцем фундаменте, и надо было изловчиться и их поймать. За шею или за туловище. Если схватишь за хвост: раз, она его отбросит — и извивается

этот ужасный червяк, вызывая судорогу отвращения, а сама жертва с красным обрубком вместо хвоста уже скрылась в широкой трещине.

Не знаю уж, ненавидели ли нас раненые ящерицы с ампутированными хвостами, следили ли ненавидящими черными глазками за смутными гигантами, бегающими по дорожкам и цветнику, смеялись ли над ними цельносохраненные товарищи, но ящериц мы ловить любили. Даже строили для них зámки из песка. Но прежде всего оборудовали банку.

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

Это одно из самых страшных стихотворений русской поэзии. По ламарковским ненаучным ступеням спускается Мандельштам во тьму, встречая попутно тех же ящериц.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Моя самая памятная ящерица тоже прошуршала и исчезла. Но сперва банка. Да, для нее была